

Меншиков Игорь Самуилович

ВОЛОСТНОЙ СУД КАК ХРАНИТЕЛЬ ТРАДИЦИОННЫХ НОРМ ПОВЕДЕНИЯ В РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ

В статье привлекается внимание к роли волостных судов не столько как к элементу правовой системы, сколько как к институту поддержания традиционных норм и пресечения проявлений девиантного поведения в русской деревне. Автор сравнивает решения волостных судов и принципы, лежащие в их основе, в Европейской России и Западной Сибири и приходит к выводу, что основой для приговоров были общие для всех русских представления о правде, справедливости и нормах поведения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/6-1/28.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(68): в 2-х ч. Ч. 1. С. 119-124. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

3. **Никольская О.** Композитор Мирсадык Таджиев [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sanat.orexca.com/2002-rus/2002-1-2/music4-2/> (дата обращения: 10.04.2016).
4. **Пясковский И. Б.** Логика музыкального мышления. К.: Музична Україна, 1987. 184 с.
5. **Теория современной композиции:** учебное пособие / ред. В. С. Ценова. М.: Музыка, 2005. 624 с.
6. **Халитова М. И.** Партитура «Эпитафия для виолончели и струнного оркестра». Симферополь, 1997. 34 с.
7. **Шнитке А. Г.** Оркестр и «новая музыка» // Ивашкин А. В. Беседы с Альфредом Шнитке. М.: РИК «Культура», 1994. С. 228-230.
8. **Шнитке А. Г.** Полистилистические тенденции современной музыки // Холопова В. Н., Чigareва Е. И. Альфред Шнитке. М.: Сов. композитор, 1990. С. 327-331.

HOLISTIC ANALYSIS OF “EPITAPH FOR CELLO AND STRING ORCHESTRA” BY MERZIE KHALITOVA

Mambetova Gul'shen Rustemovna, Ph. D. in Art Criticism, Associate Professor
Crimean Engineering and Pedagogical University
gulchen_@mail.ru

The article considers the orchestral creative work of the modern Crimean-Tatar composer Merzie Khalitova. The genre of epitaph in the musical culture of the Crimean Tatars has not been studied yet; therefore the holistic analysis of “Epitaph for Cello and String Orchestra” by Merzie Khalitova makes it possible to get an idea of modern Crimean-Tatar professional music. The author of the work combines in the original form polyphonic techniques with the modern writing technique.

Key words and phrases: polyphonic techniques; modern writing technique; imitation; polyrhythm; cluster.

УДК 93(930.85)

Исторические науки и археология

В статье привлекается внимание к роли волостных судов не столько как к элементу правовой системы, сколько как к институту поддержания традиционных норм и пресечения проявлений девиантного поведения в русской деревне. Автор сравнивает решения волостных судов и принципы, лежащие в их основе, в Европейской России и Западной Сибири и приходит к выводу, что основой для приговоров были общие для всех русских представления о правде, справедливости и нормах поведения.

Ключевые слова и фразы: норма поведения; волостной суд; крестьянская повседневность; традиционная культура; русское крестьянство.

Меншиков Игорь Самуилович, к.и.н., доцент
Курганский государственный университет
ygor@bk.ru

ВОЛОСТНОЙ СУД КАК ХРАНИТЕЛЬ ТРАДИЦИОННЫХ НОРМ ПОВЕДЕНИЯ В РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ

Традиционные формы поведения русских крестьян долгое время не изучались историками. В лучшем случае эти исследования проводились в рамках социологии. В этой связи прорывным стал фундаментальный труд М. М. Громько [6], в котором она не только рассмотрела основные формы поведения и нормы общения русских крестьян в XIX веке, но и выделила способы контроля над ними со стороны общественных институтов. Таковыми, по её мнению, выступали семья и община-мир. Это положение было развито ею в ряде других работ [5; 7] и нашло продолжение в ряде фундаментальных работ других авторов [10, с. 50-88]. Этот теоретический вывод безусловно верен. Вместе с тем, интересно проследить механизмы контроля со стороны общественных институтов за соблюдением поведенческих норм. В том, что касается семьи, эти механизмы достаточно понятны и изучены: поощрение (похвала, награда и т.п.) и наказание (замечание, меры экономического и физического принуждения). Нередко прибегали к физическим наказаниям и взрослых членов семьи, которые совершались отцом семейства или с его согласия другими членами семьи. Младших, несовершеннолетних мог наказывать любой старший. «Все отклонения от нравственных норм затрагивают прежде всего семью – родителей, мужа, жену, подрастающих детей. Семья, по русским народным представлениям, – опора нравственности, оплот её» [7, с. 343].

В отношении общины-мира не все обстоит так просто. Во внутрисемейные отношения общество, а тем более государство старались не вмешиваться, за исключением вопиющих случаев. Община выступала как орган, чьи права и полномочия были более определены писаным, а в большей мере – неписаным правом. Основным способом контроля со стороны мира выступало общественное мнение: хорошая или дурная слава [9, с. 69]. В том случае, если репутация была несправедливо опорочена (в особенности если это касалось девушки или женщины), обиженный мог обратиться к мирской сходке, которая после обсуждения или расследования могла принудить обидчика к извинению или даже к наказаниям экономического характера [6]. Между тем, иных легальных форм реакции, кроме манифестации общественного мнения, у мира было немного.

Использование физического или экономического принуждения могло рассматриваться публичными властями как самосуд и вызвать ответные санкции [16]. Правда, следует оговориться, что такие неправовые с точки зрения государства действия вполне вписывались в крестьянские представления о «правде» и фактически были нормами обычного права [9, с. 69]. Интересный случай такого рода описан в газете «Тобольская речь». В селе Мостовском Ялуторовского уезда Тобольской губернии собрался сход, на котором обсуждалось поведение некоего вороватого односельчанина, отличившегося дурным поведением. Ранее, на волостном сходе ему было указано (возможно с применением «силового» внушения) на недопустимость вести такую жизнь. На этот раз решено было «поучить» его более серьезно. Участники схода пришли в дом к означенному односельчанину, у него в гостях был татарин, с которым они выпивали. Обоих привели на сход. Староста ушел, тем самым формально сход закончился. После этого «мужички его “учили и доучивали”». Доучивали страшно, но оставили в живых» [15]. Кроме того, сельские власти могли сделать внушение за буйство и нарушение мира и порядка в деревне. Правда дебошир мог и ответить. Так, в селе Ялым Курганского уезда крестьянин А. Кузнецов нанес удар в ночь с 29 на 30 августа 1895 г. Ивану Каташову, который находился при исполнении обязанностей десятского и пытался его утихомирить. При этом, в протоколе схода отмечено, что «означенный Кузнецов занимается пьянством и дракой», не выполняет решений старосты и схода, законы не исполняет [3, д. 331, л. 39]. В качестве крайней меры сход мог сдать в рекруты вне очереди (до отмены рекрутской повинности). К примеру, в 1864 году по решению схода крестьянин Антон Черепанов из деревни Малая Белая сдан в рекруты «по дурному поведению» [Там же]. Кроме того, сход мог просить власти выслать чрезмерно буйного односельчанина. В таких просьбах они редко отказывали. Именно с просьбой удалить из села указанного выше крестьянина А. Кузнецова и просил сход села Ялым [Там же]. 29 сентября 1864 г. Кислянковское волостное правление постановило удовлетворить просьбу схода и удалить из волости Михаила Николаева «за дурное поведение» [4, д. 72, л. 11].

Более действенным и законным способом поддержания традиционных форм поведения и пресечения социальных девиаций было обращение в волостной суд. Эти суды были учреждены в России Александром II «Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» 19 февраля 1861 года в качестве судебной инстанции крестьянского самоуправления. Властями вводился новый сословный крестьянский суд, просуществовавший вплоть до 1917 года, несмотря на то, что свои функции должен был исполнять временно до проведения реформы всей системы судопроизводства. Кроме крестьян, под его юрисдикцию попадали и представители других «низших сословий» (мещане, посадские, ремесленники), если они постоянно проживали в деревне [13, с. 48]. В отличие от других, так называемых, сельских или народных судов, которые В. В. Тенишев прямо называет «суррогатами правосудия» [14, с. 33], волостной суд имел возможность легального принуждения и наказания, в то время «суррогатные» суды (семейный суд, суд улицы, суд стариков и пр.) признавались участниками, но не законом. В силу этого главная их цель – привести спорящих к согласию, ибо иные меры могли рассматриваться как самосуд [Там же, с. 33, 66]. Волостной суд, являясь одним из органов крестьянского общественного управления наряду с волостным сходом и волостным правлением, рассматривал мелкие уголовные и гражданские дела крестьян стоимостью иска до 100 рублей. «Положение о земских участковых начальниках» вводило волостные суды под контроль нового, учреждаемого государством, должностного лица – земского начальника. В его задачи помимо надзора за крестьянским общественным управлением входил разбор споров о подсудности дел, возникавших между волостными судами, контроль над соблюдением сроков проведения их заседаний, а также утверждение и установление этих сроков. Кроме того, «Положение» наделяло волостной суд правом разбирать тяжбы со стоимостью иска уже до 300 рублей [13, с. 48].

Рассмотрение функции волостного суда по имущественным спорам не входит в цели данной статьи. Исходя из избранной темы, более интересны приговоры волостных судов, которые касаются нарушений норм традиционного поведения внутри семьи и общины. Наиболее часты обращения в волостной суд касательно защиты чести и достоинства. Как уже отмечалось, крестьяне весьма чувствительно относились к «доброй славе», и любое покушение на неё вызывало ответную реакцию, в том числе и обращения в суд, причем, как показывает анализ архивных документов, число таких обращений возрастает в начале XX века. В таких случаях суд стремился к примирению сторон [12, с. 190]. Если же этого не удавалось достичь, суд переходил к разбору дела по существу и рассмотрению свидетельских показаний. Если «обиду» удавалось доказать, то следовали традиционные наказания, дозволенные законом: штраф, заключение в камеру до 7 дней и более или порка розгами. Последнее считалось наиболее позорным наказанием, тем более, что все прочие условия в ходе либеральных реформ были от него освобождены. «Крестьяне признавали розги наиболее тяжким наказанием из всех налагаемых волостным судом и притом не столько ввиду причиняемой ими физической боли, сколько ввиду их позорности» [14, с. 189]. Поэтому от битья розгами были освобождены старики и лица, исполнявшие общественные обязанности. Довольно редко это наказание применялось по отношению к женщинам [13, с. 70]. Приговоренные к розгам делали все возможное, чтобы избежать этого наказания, просили земских начальников о замене, посылали за себя ходатаев. «Бывали случаи, когда приговоренные к розгам ревели, как ребята малые, Христом Богом молили судей отменить приговор, валялись у них в ногах» [14, с. 189]. «Даже самый бедный мужик лучше заплатит большой штраф, чем пойдет под розги» [Там же, с. 191]. Несмотря на то, что наказание розгами считалось позорным, крестьяне соглашались на него либо по бедности, либо по недостатку свободного времени в страду. «В волостном суде, однако, происходили и такие случаи, когда осужденный крестьянин выбирал для себя в качестве наказания ни выплату штрафа, ни арест, но просил его высечь, объясняя, что под арестом ему сидеть некогда» [Там же, с. 192].

Волостной суд был надежным хранителем традиционного уклада и норм поведения, тем более, что он имел легальную возможность накладывать наказания. В суд могли обратиться крестьяне или сельские власти, если кто-то из односельчан вел себя неподобающим образом. Помимо имущественных споров и разделов, наиболее часто в волостной суд обращались по поводу таких правонарушений, как пьянство, буйство, оскорбление словом и делом, азартные игры, нарушение семейных норм. В последнем случае волостной суд «является защитником слабых, особенно женщин, притеснений снох от свекрови и сестер от братьев» [11, с. 81]. Волостной суд, следуя традициям обычного права, относил к разряду преступлений «такие проступки, известные под именем: разгульной жизни, пьянства и неплатежа податей. По своду законов пьянство не составляет особого преступления или проступка. Напротив, практика волостных судов отнесла пьянство к разряду проступков, наказываемых довольно строго. Пьяница разоряет семью и общество, заставляет односельчан платить за себя повинности. Столь же строго преследуется развратное поведение, неплатеж податей и пр.» [8, с. 2]. Обращения в волостной суд с жалобами на пьянство или буйство поступали обычно от представителей сельских властей (старосты, десятские), реже обращались члены семьи [Там же]. Так, например, в Варварской волости (Макарьевского уезда) в 1866 году Крестьянин К-ов, по заявлению старосты, за постоянное пьянство, буйство, побой жене наказан 20 ударами [Там же]. В той же Макарьевской волости в 1873 году братья Г-вы за постоянное пьянство были наказаны двадцатью ударами розгами [Там же, с. 3]. Из числа 245 решений в Хохломской волости (в 1871-1875 годах) за пьянство и буйство в публичном месте в пьяном виде, как например, на базаре и на улице – 14 наказаний (до 10 розог) [Там же, с. 2].

Кроме пьянства в интересах общества также волостные суды преследовали азартные игры, прежде всего в карты. В этом отношении можно указать на практику Прудисенского волостного суда (Васильевского уезда), в котором «по заявлению помещичьего управляющего наказали 2 крестьян 20 ударами розог за то, что они играли в деньги; а в 1876 году, по почину старосты за такой же проступок, т.е. орлянку и карты, волостной суд назначил некоторым крестьянам от 7 до 20 ударов розгами. Недозволенная игра, впрочем, преследуется и по закону (ст. 46 Уст. о наказаниях)» [Там же, с. 3]. Один из притонов, в котором играли в азартные игры, пили и «занимались развратом», существовал в селе Глядянском в 1887 г. Содержал его отставной солдат Ефим Ганин, «у которого проживает крестьянская жена Саломатовской волости Авдотья Вахромеева». С этой Авдотьей пьянствует и «имеет любовную связь» Иван Киселев. За предоставляемую крышу он платил Ганину 40 коп. в месяц. Сельский староста села показал, что «у Ефима Ганина постоянно проживают женщины распутного поведения, кроме того, он позволяет в своем доме крестьянам играть в карты на деньги». Это, однако, не публичный дом, поскольку Ганин предоставлял только крышу за плату и, по сути, занимался мелким сводничеством. Ганин за участие в этом деле был наказан тремя сутками ареста [3, д. 4, л. 9-10], что было довольно мягким наказанием. Суд мог прибегнуть к наказанию розгами и даже высылке за пределы села.

Гораздо реже обращались в суд жены с жалобами на пьянство и дурное поведение. Это можно объяснить традиционными воззрениями на права супруга, поэтому волостные суды обычно отказывали в таких обращениях. Так, 7 мая 1893 года Глядянский волостной суд по предписанию Курганского окружного полицейского управления рассматривал заявление Марфы Свиной, которая по приговору Худяковского сельского схода должна была отправиться в Сибирь на поселение со своим мужем крестьянином Яковом Федоровым Свиным. В обращении в суд отмечается: «Марфа Свиная не желает следовать за мужем, потому что он с нею постоянно жестоко обращается. Желая его образумить, чтобы он не пьянствовал и не воровал, она советовала ему все это бросить. Но он на ее советы не только не бросил своего гнусного ремесла – воровать, а, напротив, начинал бить ее. Поэтому она не желает следовать за ним, т.к. боится, что он от заслуженного наказания нисколько не исправится и будет жить по-прежнему. Кроме того, в месте своего жительства у нее остаются их сыновья: Павел 21 года и Андрей 18 лет. И она желает остаться с ними». Опрос свидетелей не подтвердил жалоб на дурное поведение со стороны мужа. Суд решил, что умышленно его оговаривает, чтобы не ехать в ссылку. Кроме того, их «сыновья Павел и Андрей в настоящее время уже в таком возрасте, что могут жить самостоятельно, без помощи родителей, между тем в новом месте жена его будет ближе ему как уже человеку одинокому, постановил: Заявление жены ссыльного Якова Федорова Свиной, Марфы Ивановой Свиной 43 лет о нежелании следовать за мужем своим в ссылку как незаслуживающим уважения, оставить без удовлетворения и обязать ее следовать за мужем на поселение; о чем и объявить с правом обжалования в 30 дневный срок со дня объявления. Решение слышала Марфа Иванова Свиная, а за нее расписался Художитков» [Там же, д. 51, л. 28-30]. Суд поступил совершенно правильно в этом случае с точки зрения обычного права, поскольку «жена обязана следовать за мужем и жить в его семье. Голословные заявления на притеснения судом не принимаются» [11, с. 88].

Крестьянские девицы, сестры Марфа и Мария Грязновы из деревни Ведерниковой пожаловались в 1879 году в волостной суд на своего брата Николая, за то, что он пьет, «нерачителен по хозяйству» и продал совместно им принадлежащее имущество (сарай). Решение суда относительно сарая неизвестно, но за пьянство и дурное ведение хозяйства Николай Грязнов приговорен к двадцати ударам розгами [Там же, с. 82].

Более решительно суд вмешивался в такие жалобы на пьянство мужа, когда тот разорял хозяйство и не платил податей, поскольку в условиях круговой поруки недоимки могли пасть на всех односельчан. Вот, например, в Зиняковской волости (Семеновского уезда) в 1873 году староста пожаловался на крестьянина П. в том, что он, «имея самые красивые годы, занимается нередко пьянством, вследствие чего не только в срок не уплачивает денежных повинностей, но даже и крестьянское обзаведение его стало впадать в расстройство». Обвиняемый П. ссылался на обремененное семейное положение, но волостной суд, имея в виду,

что другие и более его обремененные семейством, но повинности в срок уплачивают, а П. не делает этого по лености и пьянству, решил его наказать [8, с. 3]. Как отмечают исследователи решений волостного суда и мотивов таких решений, публичное проявление пьянства «с нарушением общественного спокойствия и порядка (преследуемого ст. 42 Уст. о наказаниях)... рассматривается как проступок и наказывается само по себе, ввиду вреда для частного хозяйства, для благосостояния отдельной семьи, а стало быть и всего общества, интересы которого зависят от хорошего положения каждого отдельного домохозяйства. При круговой поручке разорение одного тяжелым бременем ложится на всех. Отсюда понятна строгость, с которой относится сельский суд к неплательщикам и расточителям имущества, хотя, конечно, бывают такие дурные экономические условия, что никакие меры суда не в силах удержать от разорения» [Там же].

Церковное, да и обычное крестьянское право, требует, чтобы муж и жена, живя совместно, «должны жить полюбовно и не развратничать». При нарушении этого правила жене мог быть назначен арест, а мужу наказание розгами [11, с. 88]. Если муж импотент, жена может требовать раздельного имущества и проживания. Жена обязана следовать за мужем и с ним. Суд, однако, мог дать право на «разъезд», то есть раздельное проживание при сохранении брака, особенно если жена уходила с детьми. Основаниями для такого решения могли стать физическая неспособность мужа исполнять супружеские обязанности, буйство, дурное обращение с семьей и семейным имуществом [Там же]. Но суд обычно стремился к сохранению семьи и лишь в особых случаях, учитывая репутацию мужа, применял к нему санкции. Крестьянка из деревни Осовых М. П. обратилась в волостной суд в 1874 г. с жалобой на своего мужа А. П. за оскорбления действием. Муж показал, что действительно ударил жену во время обеда, «поскольку та убрала пищу, когда он хотел есть». Суд признал виновными обе стороны: жену – за то, что дала повод к драке, мужа – за оскорбление действием. Каждый был приговорен к одному дню общественных работ. Кроме того, суд обязал жену не заводить ссор и выполнять приказания мужа, а мужа «чтобы он отнюдь не позволял себе оскорблять жену, а тем более действием» [Там же, с. 90].

В 1871 году на рассмотрении Прудисенского суда (Васильевского уезда) возникло дело по жалобе жены на мужа крестьянина К. в том, что он продал келью, пьянствует и выгнал ее с дочерью, которую отказывается воспитывать. Муж заявил, что келью продал потому, что жена его не одевает. «Волостной суд по этому делу, принимая во внимание, что крестьянин К. пьянствует и ведет жизнь дурную, имея 27 лет от роду, не имеет душевого надела, решил; продажу кельи воспретить, обязав взятые деньги возвратить обратно, а за нетрезвую жизнь дать 20 розог» [8, с. 3]. Точно также в Хохломской волостной суд (Семеновского уезда) в 1874 году жена подала жалобу на мужа в том, что он ведет жизнь развратную и растрчивает имущество. Волостной суд дознал, что обвиняемый вступил в связь с крестьянской девицей А., которую взял к себе. Находя, что все споры и неудовольствия происходят вследствие связи и, «находя вообще поведение обвиняемого нехорошим, волостной суд решил; обвиняемого наказать 10 ударами, а крестьянку А. на 7 дней посадить под арест; внушить обвиняемому, чтобы он не смел держать у себя А.; воспретить растрату имущества, а иначе назначить, женино имение немедленно передать ей» [Там же]. Приведем в качестве примера решение суда Варварской волости (Макарьевского уезда), в котором дело о дурном обращении с супругой возбуждал сельский староста. Сосед крестьянина Г. заявил старосте о дурном обращении Г. с женою. По представлению старосты волостной суд, принимая во внимание объяснение его и то, что Г. судился за это три раза, хотя жена и не жалуется, решил наказать Г. двадцатью ударами розог. «Такое решение не мыслимо по нашим писанным законам, по которым дела об обидах и насилиях начинаются не иначе как по жалобе самих обиженных, а обиды между супругами даже и совсем не признаются» [Там же].

Волостной суд достаточно строго следил, чтобы дети почитали своих родителей и оказывали им помощь или содержали в старости или по немощи [11, с. 90]. При этом, как отмечают исследователи, словам отцов суды верили безусловно, а сами приговоры их написаны как по шаблону; волостной суд слушал жалобу крестьянина Петра Петрова на сына своего Ивана Петрова за причиненные ему грубости и дерзости и постановил по воле родителя высечь Ивана Петрова 20 ударами розог [Там же, с. 91]. И лишь ближе к началу XX века волостные суды стали более тщательно подходить к таким заявлениям отцов, хотя право наказания несовершеннолетних оставалось незыблемым, равно как и обращение в волостной суд за наказанием совершеннолетних детей [Там же].

Воспитав взрослых сыновей, способных стать во главе семьи, отец может удалиться от дел и даже уйти из семьи. Право на алименты пожизненно строго охранялось судом [Там же, с. 93]. Правда, в некоторых случаях, которые нельзя не назвать курьёзными, суд отказывал в иске отцу. Крестьянин деревни Мордвиновской Г. Ширяев обратился в 1879 г. в волостной суд с требованием обязать его сына, управляющего хозяйством, выдавать ему в день на водку более 10 копеек, каковые выделяет ему на этот предмет сын. Суд отказал в просьбе, признав её незаконной [Там же, с. 94]. Крестьянин Усов, уйдя на покой, обратился в волостной суд с требованием, чтобы оба его сына выдавали ему пожизненно деньги на содержание. Исследовав дело, суд установил, что старший сын получил от отца долю имущества и обязался за это выплачивать по одному рублю в месяц на пропитание. Младший же сын ничего не получил и поэтому от обязанности содержать отца свободен [Там же, с. 96]. А вот другой более сложный и интересный случай. Крестьянин Тихон Петров обратился в волостной суд с жалобой на своего сына Матвея, поскольку этот последний делами хозяйства, переданного ему отцом в управление, не занимается «так как бывает в году более пьян чем трезв; в пьяном виде чинит буйства, производит непорядки в доме... и ему, Тихону, беспрестанно наносит Матвей оскорбления». Вызванный в суд Матвей Петров ничего вразумительного в своё оправдание сказать не мог, а его старший сын Василий подтвердил слова деда. Суд постановил вернуть имущество Тихону, с тем, чтобы

означенный Матвей «ничего не мог брать от него без ведома отца». Кроме того суд постановил «за оскорбление родительской власти наказать Матвея Тихонова двадцатью ударами розог» [Там же, с. 84]. Интересно, что двумя годами ранее тот же суд отстранил Тихона и передал все имущество в управление его сыну Матвею, поскольку он уже стар и немощен (80 лет). Причем старик показал на суде, что его сын дурно с ним обходится и даже «приставал к нему драться». Свидетели, приведенные Матвеем, эти слова не подтвердили, а напротив, показали, что отец притесняет сына по хозяйству. Вследствие чего суд и постановил старшинство в семействе и все распоряжение по хозяйству предоставить Матвею, обязав его, однако, «иметь к отцу почтение и повиновение, ничем его не оскорблять и доставлять... довольствие в пище и одежде. Что же касается до обиды Петровым сына, то, как она не подтвердилась, в просьбе ему отказать» [Там же, с. 84-85].

Аналогичные решения находим и в приговорах зауральских волостных судов. 18 февраля 1893 г. крестьянин деревни Межборной Георгий Иванов Павлов судится со своим сыном Егором, требуя чтобы тот выделял родителям на пропитание, а также, чтобы платил за него все подати и повинности, т.к. платить их в настоящее время он уже не в состоянии. Сын на суде согласился кормить родителей, при том условии, что отец отдаст ему душевой. Волостной суд в данном случае принял во внимание нравственные, а не имущественные обстоятельства и постановил, что сын самовольно ушел от отца, который действительно немощен и не способен по старости содержать себя и жену. Поэтому он должен сойтись с родителями, до этого уплачивать на содержание отца и матери 2,5 пуда муки или деньгами 2 руб. 50 коп. Кроме того, за самовольное отделение и слушание «арестовать Егора Павлова в каталажной камере волостного правления на трое суток». Ответчик обжаловал данное решение в вышестоящей инстанции, но Курганское окружное по крестьянским делам присутствие оставило жалобу Егора Павлова без последствий [3, д. 51, л. 9-11].

Интересно, что в отношении содержания матери-вдовы судебные решения не столь однозначны, поскольку женщина не рассматривалась в качестве «хозяйствующего субъекта», при всех налоговых и прочих исчислениях учитывались души мужского пола. Как правило, эта обязанность возлагалась на того из детей (обычно сыновей), с кем осталась жить мать. Крестьянка деревни Пятовской подала жалобу на своих сыновей Николая и Александра «за невыдел ей части из хлеба». Суд установил, что она живет с младшим сыном Алексеем и никакого участия в делах двух других сыновей, которые «посев хлеба производят отдельно и вполне самостоятельно», не принимает, на основании чего в просьбе отказал [11, с. 99].

Весьма часто встречаются в делах волостных судов жалобы на оскорбления (словом или делом) и клевету. Причем, что интересно, одной из сторон выступает женщина. Это можно объяснить как тем, что женская честь (и девичья, в частности) ценились весьма высоко, так и тем, что женщина не могла постоять за себя физически. Рассмотрим несколько наиболее ярких примеров. Так, Иван Позников из деревни Дубровка сорвал у девицы с головы гребенку, а кроме того шумел и буйствовал. Дело было прекращено за примирением сторон [3, д. 202, л. 122-123]. Подобные действия носили позорящий для женщины характер, поэтому они требовали не просто компенсации, а прилюдного наказания обидчика и официального подтверждения того, что обижены были незаслуженно. В аналогичном случае крестьянка Савина пожаловалась на В. Художиткова за то, что он «сорвал с нее шаль и платок, чем нанес Савиной оскорбление действием». На этом основании крестьянка требует компенсации за моральный ущерб и порванный платок (5 руб.). Суд удовлетворил иск Савиной и кроме того приговорил Художиткова к аресту на трое суток [Там же, д. 203, л. 127-128]. Были случаи, когда и мужчина жаловался в суд на оскорбительное поведение женщины. Вот еще интересный пример. Крестьянин Аникей Тимофеев счел себя оскорбленным, когда некая девица в присутствии старосты задрала подол и показала ему интимные места. Суд постановил подвергнуть её аресту в каталажной камере «за оскорбление» на трое суток [Там же, д. 4, л. 12]. Крестьянин Илья Найданов пожаловался на свою односельчанку за то, что в споре с его, Найданова, женой та оскорбила и оклеветала его. Суд вынес вполне разумное и правильное решение: поскольку «свидетели показали, что спор между женой просителя и ответчицей был обоюдным, а самого просителя тут не было, постановили: в жалобе Ильи Иванова Найданова отказать» [Там же, л. 10-11]. В селе Глядянском некая Замиралова прилюдно назвала односельчанина Завьялова вором, за что была посажена в каталажку на семь суток [Там же, д. 27, л. 7-8]. Подобные обращения можно обнаружить в фондах волостных судов в большом количестве.

Резюмируя сказанное, следует отметить, что волостные суды, занимая промежуточное положение между полуофициальным судом общины и государственной системой судов, руководствовались в своих решениях обычаем и законом [1; 2]. Анализ судебных дел в Европейской России и Юго-Западной Сибири показал, что обычаи были схожи, различаясь лишь в деталях. В основе этих решений лежали представления о «правде», т.е. справедливом воздаянии каждому с учетом его личности. Суд выносил определения с учетом репутации человека, его нрава, роли в общине, а кроме того, соотносил все это с понятием о грехе, которое лежало в основе крестьянского представления о праве и преступлении [5, с. 96-97; 7, с. 246-247]. Кроме того, большую роль при вынесении решений играло представление об обиде. В этом случае суд стремился к примирению сторон, что выражалось в извинениях и компенсации материального ущерба, если он был нанесен. Только в том случае, если примирения достичь не удавалось, суд выносил приговор. В качестве наказания использовались общественные работы или заключение в каталажную камеру. Порка розгами применялась чаще в Европейской России. Со временем, однако, этот инструмент наказания использовался все реже, а в начале XX века телесные наказания были отменены и для крестьян. Таким образом, можно отметить, что волостной суд стремился не только к поддержанию мира и порядка в деревне, но и был важным фактором защиты традиционных норм поведения и пресечения различных форм девиации.

Список литературы

1. **Безгин В. Б.** Волостные суды России: компетенция, состав, практика // Российский судья. 2009. № 9. С. 40-43.
2. **Безгин В. Б.** Оскорбление словом или действием по обычному праву (вторая половина XIX – начало XX в.) // История государства и права. 2009. № 12. С. 22-24.
3. **Государственный архив Курганской области.** Ф. 129. Оп. 1.
4. **Государственный архив Курганской области.** Ф. 189. Оп. 1.
5. **Громыко М. М.** Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. 445 с.
6. **Громыко М. М.** Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1986. 280 с.
7. **Громыко М. М., Буганов А. В.** О воззрениях русского народа. М.: Паломник, 2007. 530 с.
8. **К вопросу о волостных судах. Волостной суд как искоренитель пьянства и развратной жизни. Труды гг. Савельева и Соллогуба. О достоинствах и недостатках волостного суда** // Тобольские губернские ведомости. 1882. № 30. С. 2-4.
9. **Меншиков И. С., Федоров С. Г.** Девиантное и деликвентное поведение русских крестьян Южного Зауралья во второй половине XIX – начале XX в. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2013. 260 с.
10. **Миненко Н. А.** Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX в.). Новосибирск: Наука (Сибирское отделение), 1979. 350 с.
11. **Никонов С. П.** Семейное право в решениях волостного суда // Журнал министерства юстиции. 1902. № 10. С. 79-104.
12. **Паренного А. Н.** Практическое руководство для волостных судов. М.: Университетская типография, 1898. 484 с.
13. **Пахарнаев А. И.** Закон, обычай и волостной суд (руководство для крестьян). Пермь: Типо-литография губернского правления, 1894. 76 с.
14. **Тенишев В. В.** Правосудие в русском крестьянском быту. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 240 с.
15. **Тобольская речь.** 1907. № 5.
16. **Федоров С. Г.** Прелюбодеяние, самосуд и обычное право в российской и сибирской деревнях во второй половине XIX – начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. II. С. 183-186.

VOLOST COURT AS A KEEPER OF THE TRADITIONAL NORMS OF BEHAVIOUR IN THE RUSSIAN COUNTRYSIDE

Menshchikov Igor' Samuilovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Kurgan State University
ygor@bk.ru

The article analyzes the role of volost courts not so much as the elements of the legal system as the institution to maintain traditional norms and to suppress the manifestations of deviant behaviour in the Russian countryside. The author compares the volost court decisions and their key principles in European Russia and Western Siberia and concludes that the verdicts were based on the common for all the Russians conceptions of truth, justice and norms of behaviour.

Key words and phrases: norms of behaviour; volost court; peasant's everyday life; traditional culture; the Russian peasantry.

УДК 93

Исторические науки и археология

В статье показана деятельность властных структур Дагестана по совершенствованию административно-территориального деления и управления в 50-70-е годы XX в., прежде всего в сельской местности; дана объективная оценка административно-территориальным преобразованиям и изменениям периода хрущевской «оттепели»; прослежено их влияние на ход развития отраслей материального производства и решения социально-культурных проблем многонационального региона.

Ключевые слова и фразы: Дагестан; республика; регион; район; сельсовет; административно-территориальное деление; система управления; экономика; культура.

Мирзабеков Мирзабек Яхьяевич, д.и.н., профессор

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук
yash831@mail.ru

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ В ДАГЕСТАНЕ В 50-70-Е ГОДЫ XX В.

Смерть И. В. Сталина 5 марта 1953 г. и приход к политическому руководству Н. С. Хрущева знаменовали начало политических и иных преобразований и изменений в стране. 1953-1964 гг. вошли в историю как время хрущевской «оттепели» [7, с. 455].

Политические преобразования нового руководства страны во главе с Н. С. Хрущевым затронули и систему административно-территориального деления и управления страной, прежде всего в сельской местности. В этом контексте следует отметить переход в стране от двухзвенного управления (область (республика) – район), к трехзвенной системе управления (область (республика) – округ – район) в 1952 г.